

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(45+57)

ПРИРОДА И ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ: ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА К ТЕОРИИ МОНИСТИЧЕСКОГО ТИПА

*д-р филос. наук, проф. Т.Г. РУМЯНЦЕВА,
канд. филос. наук, доц. А.А. ГРИЦАНОВ
(Белорусский государственный университет, Минск)*

Анализируются проблемы природы и функций социальной теории в условиях трансформирующихся обществ – Беларуси и России. Демонстрируется историческая ограниченность прежней («истматовской») социальной теории и ее инструментальное, прагматическое соответствие идеологическим принципам общества реального социализма. Показана единственно возможная перспективная и позитивная идеология осмысления природы и сущности социальной теории, часто именуемой «социальной парадигмой», для постсоветских государств – организация креативно-мыслящих субъектов на базе собственных интеллектуальных и материальных ресурсов.

Введение. Системное осмысление проблемы, связанной со статусом и главными направлениями неизбежного реформирования парадигмы социальных наук в трансформирующемся обществе, занимает важное место в современной отечественной общественной мысли. Актуальность этого обусловлена длительным искусственным доминированием теоретической модели, претендовавшей на универсальность и именовавшейся «исторический материализм». Одновременно произошедшая в 1990-е годы радикальная либерализация духовной области в государствах бывшего СССР носила по сути своей характер инициированной извне «идейной интоксикации». Разработка подходов, призванных сформулировать новые интеллектуальные каноны «социально-научной парадигмы», не могла осуществляться в русле мессианистских просветительских технологий, являющихся органическим продолжением стратегии глобализации. Жизненно важной в настоящее время является задача институционализации данного поля исследований на базе использования потенциала собственных научных кадров.

Основная часть. Согласно наиболее разработанным современным моделям, социальная теория (ее еще называют парадигмой социальных наук) – это интегративный корпус научных представлений или дисциплина, занимающая промежуточное место между философией и конкретными социальными науками и изучающая устойчивые и существенные связи социального мира с точки зрения его «внутренней» логики существования и развития. В ее предметную область входят изучение природы социального и построение моделей социального мира в целом, а также анализ «внутренних» (институциональных, функциональных, динамических и пр.) связей между «главными» явлениями социума (личностью, культурой и социальной организацией) и «целостными социальными феноменами» (институтами, структурами, группами). Парадигма социальных наук постепенно эволюционирует от системно-интегративного понимания социального к превращению в особую область «рефлексивного» постижения социальной реальности, сопровождающуюся критикой (реконструкцией) существующих и конструированием новых идей, понятий и средств ее познания и преобразования [1].

Все главные отечественные (как в Беларуси, так и в России) полемики на предмет статуса парадигмы социальных наук в трансформирующемся обществе проходят в русле идеи о том, что ее единство в условиях XXI столетия в принципе недостижимо [2]. При этом констатируется, что внедрение в реальные образовательные практики стран СНГ идей «рамочного» статуса «социальной теории» (в духе новейших западных трактовок) также вряд ли осуществимо в среднесрочной перспективе. Слишком укорененным в сознании отечественного социума являются простота, лапидарность и ригоризм парадигмальной объяснительной модели «исторического материализма». Так, в специальной литературе уже указывалось: «Современное общественное и культурное положение отмечено особенностью, которую можно истолковать как несогласие между настоятельной потребностью в объяснительно-прогностической теории, ощущаемой повсеместно в нашем обществе, и неспособностью ее представить, которая демонстрируется официальным научным сообществом. Имеется в виду потребность в теории самого высокого уровня обобщения социально-исторических изменений, переживаемых миром на переломе столетий, сквозь призму которой могли бы получить объяснения и наши собственные социальные проблемы» [2, с. 262].

Существенно и то, что содержательная рефлексия на предмет теоретического (знаниевого) и прикладного потенциала той или иной социальной теории для процессов «оздоровления» наличного корпуса просветительской и специальной литературы преимущественно ориентирована на задачи «интеллектуального обслуживания» власти. Обусловлено это тем, что в рамках функционирования комплекса «власть – знание» (природа которого была впервые подвергнута содержательной рефлексии французским мыслителем М. Фуко) только доминирующие структуры имеют возможность придавать статус «знания» той или иной «социальной теории».

Целью данной статьи и является формулировка возможных версий ответа на вопрос: в чем заключались «сильные» и «слабые» стороны материалистического понимания истории («исторического материализма») и сопряженной с ним «теории научного коммунизма» как двух ранее господствовавших ипостасей «парадигмы социальных наук»? От чего и каким образом необходимо отказываться в границах конструктивного преодоления ее прежнего, универсалистского, типа?

Исторический материализм может трактоваться как особая редуцированная парадигма социального знания, идеологизированная и изначально приспособленная для выполнения чисто инструментальных, можно даже сказать, «сервильных функций». В его основе лежит методологическая процедура аппликации диалектической схемы развития по Г. Гегелю на гипотетические тенденции развития социально-экономической структуры человеческого общества. Исторический материализм объяснял внутренние взаимозависимости общественных структур по универсальной системообразующей формуле: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [3]. Эту главную посылку материалистического понимания истории в совокупности с признанием активной роли философского знания в социуме («философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [4, с. 385]) и конституировали фундамент парадигмы социального знания и познания, присущего философскому модернизму.

Философский модернизм предполагает допущение возможности плюрального моделирования миров и, соответственно, идею онтологического плюрализма. К предпосылкам формирования и утверждения идей модернизма (в их преломлении в конкретно-историческом контексте советской общественной науки) могут быть отнесены следующие интеллектуальные ходы [5, с. 315]:

- 1) формирование комплекса идей о самодостаточности человеческого разума, выразившееся в элиминации из структур соответствующих философских рассуждений трансцендентно-божественного разума как основания разума в его человеческой артикуляции (воинствующий атеизм);
- 2) наличие представлений о творческо-созидательной природе Разума, с одной стороны, и его исторической ограниченности – с другой (политическая целесообразность возводится в ранг принципа, превышающего по значимости установки на гуманизм и поиск истины);
- 3) идеи, согласно которым человеческий разум по своей природе контекстуален и способен трансформировать социальную реальность (мировоззренческий и теоретический волюнтаризм).

Идеал отражения действительности и познавательный пафос классического мировоззрения оказался замещен установкой на социальный конструктивизм и соответствующие – чисто инструментальные – требования к «социальной теории».

Показательно то, что в концептуальном плане совокупность идей, гипотез и социально-преобразующих программ, именованная К. Марксом и Ф. Энгельсом как «научный коммунизм», не совпадала с теорией исторического материализма. Последний являет собой комплекс теоретических представлений, предметом которых выступали законы и закономерности *стихийной необходимости* в обществе, процессы осуществления истории в структурах отчуждения и самоотчуждения; он анализировал сущность и параметры классового по природе своей общества, в границах которого именно «общественное бытие» определяет «общественное сознание». «Научный» же коммунизм в своей потенции интерпретировался Марксом и Энгельсом как теория *самоуправляющегося* общества, способного регулировать направление и темпы социальных изменений; как теория общества, освободившего людей от закрепощения стихийными силами экономической динамики общества и достигшего стадии эффективного контроля над последствиями человеческих действий. Переход от социума, выступавшего объектом исторического материализма, к социуму как объекту «научного коммунизма» рассматривался как «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» на основе сформировавшегося мирового рынка и централизованной капиталистической экономики. Увеличение производительного потенциала человечества в целом было сопряжено, по Марксу, со все большей деградацией индивида, поработанного силами отчуждения и властью денег. Коммунизм поэтому, согласно ранним работам Маркса, должен был явиться спасительным результатом универсального преодоления (в процессе «самообогащающегося отчуждения») всевозрастающей амбивалентности природы человека классового общества и обретения им таким образом «подлинного освобождения».

Степень идеологической нагруженности социальной парадигмы-теории в версии Маркса весьма значительна: эта теория выступала, согласно квалификации американского социолога А. Боскова, как разновидность «социального проповедничества», где рефлексивные суждения об обществе – каким оно является исследователю, замещаются представлениями оценочно-деятельностного плана о том, каким социум *должен быть*, чтобы с наибольшей полнотой удовлетворять «главным» потребностям родовой природы человека (об этом неоднократно писал также К. Поппер). В этом отношении фундаментом марксовской социальной теории выступает «парадигма равенства», фактически противопоставленная «парадигме свободы».

«Свобода» по Марксу, или «коммунистическая» свобода, внешне выступала как свобода экзистенциального порядка, как свобода «родового сознания», уничтожающего плюрализм личных интересов людей во имя безграничного развития всего богатства природы человека. Негативная частная свобода индивидов в обществе и государстве (имплицитная несущая конструкция всех «социальных теорий»), являющихся продуктом именно социологической модели организации социально-гуманитарного знания, т.е. такового знания эпохи либерализма) понимается в «научном коммунизме» как эгоистическое по сути самоотчуждение, как свидетельство растущей дегуманизации человека. Маркс в принципе отвергал трактовку свободы в контексте индивидуалистически-правовых понятий и ориентаций либерально-демократического толка.

Ввиду приверженности сторонников исторического материализма и коммунизма к преимущественно насильственным процедурам переустройства общества, подавляющим инициативу отдельной личности и унифицирующим потребности и репертуары поведения людей, коммунизм (как определенный общественный идеал) невозможен для осуществления в региональных масштабах. Коммунизм может выступать и анализироваться (на уровне мысленного социального эксперимента) исключительно в виде сознательно самоизолирующейся, замкнутой и статичной общественно-экономической, геополитической и духовной системы; либо мыслиться как принципиально безальтернативное планетарное явление.

Любая общественная система, потенциально ориентированная на установление собственного планетарного господства (в данном контексте не имеет принципиального значения во имя чего – идеи «мировой революции» либо глобального продвижения «цивилизаторских ценностей»), как правило, будет ориентирована на нормативность именно единой «социальной парадигмы». В частности, попытки нынешнего российского руководства вернуть государству утраченные геополитические позиции осуществляются в идейно-теоретических проектах, все более сопоставимых с претензиями на вселенское доминирование диамата/истмата. Как отмечалось, в этом контексте «становится понятной принятая сейчас стратегия в области информационной политики. Любопытным является тезис о духовно-эстетической открытости русского народа, его *всесветности* (потенциальной планетарности. – *Авт.*), универсальной отзывчивости на глубинные человеческие чаяния, в какой бы своеобразно-национальной форме они не были выражены. Этот идеалистически-сентиментальный образ русского национального комплекса одинаково популярен среди сторонников всех основных течений нашей общественной мысли, выполняя различную функцию. Сторонники консервативно-традиционных ориентаций защищаются ею от обвинений в своем изоляционизме и националистическом предупреждении, ибо быть истинно русским означает в то же время быть адекватным принципам истинного универсального гуманизма. Для представителей противоположного стана эта же мысль является оправданием их антиизоляционистских действий и программ» [2, с. 266].

При этом необходимо четко констатировать: в той мере, в какой к анализу новых реалий не применимы прежние, актуальные для своего исторического этапа, парадигмальные подходы, в той же степени для удовлетворения потребностей методологии отечественного обществознания не являются панацеей и современные западные рецепты.

Разрабатываемые в настоящее время на Западе новые и новейшие подходы к задачам конструирования «социальной парадигмы» также представляются мало пригодными для российских реалий. В сегодняшних условиях России (государственный капитализм) установки главных игроков на любой арене социального действия (от нефтегазовой до организационно-научной) сводятся к установлению собственного тотального доминирования монополистического типа. Право выбора и легитимации адекватной «социальной теории» узурпировано узким кругом учреждений, позиционирующихся преимущественно вне рамок собственно научного статуса. При этом смысл конкретно-исторического бытия массового человека выносится «за пределы» наличного исторического времени, что всегда свойственно для предельно идеологизированных и перегруженных волонтаристскими оценками официальных моделей устройства российского социума. Нормативные «социальные теории» (в своем политическом измерении) включают (в статусе атрибутивного параметра собственных архитектур) просвещенческую идею общест-

венного прогресса. Тем самым ценность жизни отдельно взятых людей неизменно переводится в разряд орудийного средства для функционирования наличной системы в целом.

Заключение. В этом контексте очевидно, что на смену парадигме исторического материализма, всегда выступавшей в тесной связке с идеями «научного коммунизма», способна в наличных конкретно-исторических условиях придти лишь парадигма социальных наук монистического типа (признающая весомое место производительного труда в системе ценностей социума), дополненная установками позитивности равенства и социальной защищенности людей. Реализовать это возможно посредством компетентного и не слишком радикального переосмысления наличной иерархии ценностей, которая была фундирована марксизмом-ленинизмом и которая будет – в обозримой перспективе – фундировать любую новую, органичную для социума, социальную теорию. Кардинальную замену ценностей коллективизма на ценности безудержного индивидуализма (а именно эти параметры обуславливают выбор допустимого диапазона сценариев планируемых стратегий общественных преобразований) предполагать не имеет смысла. Любая система общественных отношений – конструкция консервативная по природе своей и не терпит силовых вмешательств извне (если они не подкреплены намного превосходящими даже насущные социальные потребности материальными и идейными «инъекциями» со стороны).

Единственно возможной перспективной и позитивной идеологией осмысления природы и сущности социальной теории, часто именуемой «социальной парадигмой», является для постсоветских государств организация креативно-мыслящих субъектов на базе собственных интеллектуальных и материальных ресурсов. Это позволит провести конструктивную критику соответствующих идеологем марксистского толка, используя вполне органичный для сознания их носителей и последователей категориальный инструментарий. Главным же в этой деятельности является элиминирование из гуманитарных концепций и идеологических доктрин, в очередной раз претендующих на статус официально санкционированной «социальной парадигмы», элементов извне привнесенных оценочных суждений. «Очистка словаря» существующей парадигмы социальных наук, дополненная конвенциональным достижением консенсуса по содержанию базовых философско-социологических понятий и категорий, только и способна как обеспечить взаимную смысловую конвертируемость отечественных и зарубежных социально-гуманитарных подходов, так и предотвращение распада дисциплинарного гуманитарного пространства на хаос самодостаточных и не весьма осмысленно предлагаемых дискурсов.

Важность этой задачи обуславливается тем, что для выстраивания свободной иерархии новаторских дискурсов в ходе их конкурентной борьбы необходима достаточно высокая медиана профессиональной компетентности научной среды. В условиях же избыточно карательной истории отечественной интеллектуальной традиции XX века истиной неизменно выступала «точка зрения, преодолевшая все возражения» (Ч.С. Пирс), хотя и весьма специфическим образом.

Одновременно только процедуры организационной отстройки таковых структур способны вывести данные дискуссии за пределы, пусть даже и не дилетантских, но, как правило, узкоцеховых дискуссий. Потребность в адекватной социальной теории всегда присутствует в границах самодостаточных культур и цивилизаций: вопрос заключается в том, чтобы сформировать такой «общественный заказ» на уровне критериев и в языке мировой философско-социологической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник, Ю.М. Введение в социальную теорию: Ч. 1. Социальная эпистемология / Ю.М. Резник. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999; Ч. 2. Социальная онтология. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999; Ч. 3. Социальная системология. – М.: Наука, 2003.
2. Солонин, Ю.Н. Россия в контексте современной социально-философской мысли / Ю.Н. Солонин // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. ст. Вып. I; под ред. Б.В. Маркова, Ю.Н. Солониной, В.В. Парцвания. – СПб.: Петрополис, 2001.
3. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 6 – 7.
4. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения в двух томах. – Т. 2. – М., 1948.
5. Грицанов, А.А. Модернизм / А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко // Новейший философский словарь. Постмодернизм; глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Современный литератор, 2007.

Поступила 29.11.2007